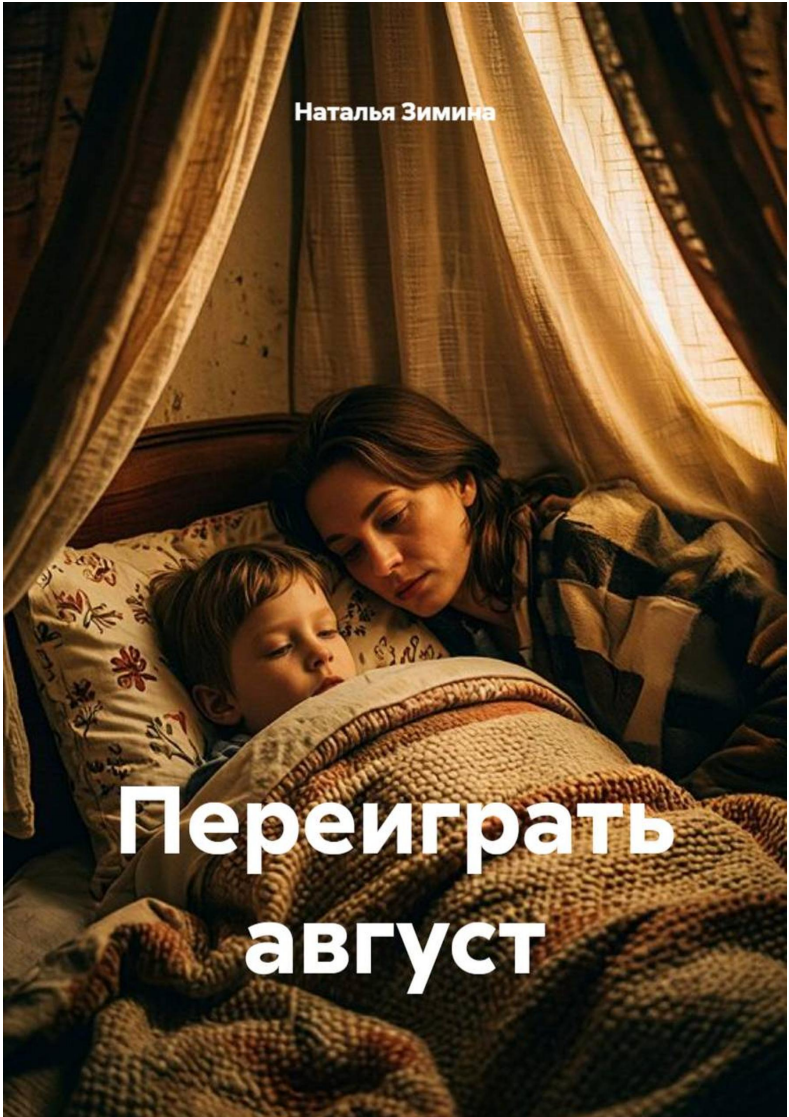
Наталья Зимина



Переиграть август

Наталья Зимина
Переиграть август

https://litres.ru/74816809
SelfPub; 2026

Аннотация

Тая просыпается 1 августа 1979 года — в своём девятнадцатилетнем теле, под ковром с лосями. Внутри неё — тридцать восемь лет, профессия аудитора и знание, чем кончится этот август: 3 сентября отец сядет в чужую «Волгу», уедет «на сутки» — и его найдут в реке. «Несчастный случай», после которого мать перестанет играть, брат вырастет чужим, а сама Тая проживёт жизнь «по инерции».

У неё есть тридцать три дня. Тетрадь в клетку с надписью «УЧЁТ», привычка сверять накладные с весами, сосед Кеша с пластинкой «Машины времени» — и целый двор: компот, оливье в тазике, дядя Стёпа с гармонью и пятаком на удачу.

Роман о втором шансе, где спасают не супергерои, а описи, копирка и «мы вчетвером — всегда». О том, что прошлое — не черновик, а дом, в котором пора сделать ремонт. И о главном вопросе всех попаданок: если изменить свою судьбу — не исчезнет ли та, кто в ней родится? Например, дочь Вика. Девятнадцатилетняя, колючая, любимая.

Первая книга серии «Августы огневых».

Наталья Зимина
Переиграть август

ГЛАВА 1. ПЕРВОЕ АВГУСТА

Будильник дребезжал так, как не дребезжат с двадцать первого века: жестяно, отчаянно, с личностью. Я открыла глаза — и увидела ковёр. Не тот, «из Икеи», а тот: бурый, с лосями, на стене над моей головой.

Ковёр висел у нас в комнате до тридцати лет моего возраста. Потом мама отдала его соседям на дачу, и лоси умерли окончательно. Сейчас был август — судя по свету — и ковёр был жив.

Я села. Комната: две кровати, стол под клеёнкой, радиола «Ригонда», на тумбочке — журналы «Наука и жизнь» стопкой и пластинка «Машины времени». За окном — тополь, двор, качели и голос: «Та-а-ая! Митька там твою рогатку сломал, иди разберись!»

Митька. Митьке в тот год было одиннадцать.

Я встала, подошла к зеркалу шкафа. Оттуда смотрела я — девятнадцатилетняя, с косой до пояса и с загаром «пионерлагерь, вторая смена». Я, Таисия Огнева. В две тысячи двадцать шестом мне было тридцать восемь, я была аудитором, разведённым и уставшим человеком с ипотекой и дочкой-студенткой.

Здесь, в зеркале, у меня не было ни морщинок у глаз, ни

ипотеки. Был август, судя по всему, — семьдесят девятого года. Первое августа. Среда.

Я знала эту дату так, как знают дату смерти: тридцать три дня оставалось до третьего сентября — дня, когда отец сел в чью-то «Волгу» с чужими людьми, уехал «на сутки» и не вернулся. Через месяц нашли в реке. «Несчастный случай». Мне тогда было девятнадцать, и я не смогла ничего. Теперь мне по-прежнему девятнадцать, а внутри — тридцать восемь лет опыта, сорок проверенных аудитов и знание, чем всё закончится.

— Митьку разберёшь потом! — крикнула я в окно, и голос у меня дрожал. — Сначала — здравствуйте!

Голос из двора был дворницкий, Сенькин, с интонацией «за бесплатно не ругаются». Митька внизу уже свистел — двумя пальцами, как никто больше во дворе. Я слушала этот свист и не могла надышаться: в той, взрослой жизни я забыла его начисто — а он, оказывается, всё это время лежал во мне, под ипотекой и отчётами, целый, как в первый день.

Тридцать три дня. У аудиторов это называется «период проверки». Приступаем.

Мама ответила из кухни: «Кроликов — не забудь — кормить!» — она всегда понимала мои «УЧЁТы» лучше всех. Хотя бы поэтому стоило вернуться.

Период проверки открыт. Проверяющий — на месте. Проверяемые — любимы.

Вечером того же дня — первого августа 2026-го — мы со

Стёпой, если считать по памяти, сидели на его скамейке у гаражей: я, Кеша и пустое место рядом, которое в нашей семье так и называется «стёпино». Кеша принёс две бутылки лимонада «как тогда» и один стакан — третий. Мы пили по очереди, молчали и слушали, как скрипят качели, гудят провода и где-то за тополем — целый, вечный, переигранный — идёт своим чередом наш август.

А началось всё — с будильника. Он и сейчас дребезжит по утрам: жестяно, отчаянно, с личностью. Кеша заводит его специально: «чтобы система была». Я не спорю. В конце концов, одна система в нашей семье уже сработала безотказно — с тысячи девятьсот пятьдесят восьмого года. Сходится.

Август идёт. Мы — дома. По описи — сходится.

И тетрадь «УЧЁТ» лежит на подоконнике — открытая. Следующая страница — чистая. Как надо.

ГЛАВА 2. МАМА, ПАПА, КОМПОТ

На кухне пахло вишнёвым компотом и «Беломором» — папиросы отца, других он не признавал. Мама стояла у пли-

ты — тридцати девяти лет, с заколотыми волосами, в халате с васильками. Живая. Я видела её живой последний раз двадцать лет назад.

— Встала, спящая красавица? Компот стынет. Кушай. Сегодня на базар с отцом поедете, картошку раннюю брать.

Отец сидел за столом — большой, спокойный, в тельняшке после смены, с газетой «Труд». Виктор Сергеевич Огнев, мастер смены на заготовительной базе, сорок семь лет, руки — как тиски, смех — как барабан. Третий сентябрь — через тридцать три дня.

Я села, взяла стакан и разревелась — прямо в компот. Мама замерла. Отец опустил газету.

— Тайка? — он всегда звал меня Тайка, когда всё серьёзно. — Что случилось?

— Плохой сон, — сказала я. — Приснилось, что вас с мамой нет. Давно нет. А мне сорок, и я всё ещё... — я задохнулась, — ...не сказала вам, что вы у меня лучшие.

Родители переглянулись так, как переглядываются люди, у которых дочь сдаёт сессии на «отлично» и не плачет с восьмого класса. Мама подсела, обняла. Отец кашлянул, отложил газету и сказал — деловито, чтобы скрыть, что и у него защипало:

— Лучшие — это мы по графику: с восьми утра. Ладно, раз так — на базар поедем, а после — мороженое. Двойное. И никому ни слова, что Огнев расчувствовался.

Он рассмеялся. Мама — тоже. А я пила компот и думала:

тридцать три дня. Больше, чем достаточно. Я не знала только одного: с чего начать. Хотя нет — знала. Аудитор всегда знает, с чего начать: с описи.

С описи — потому что за тридцать восемь лет я усвоила: память — свидетель ненадёжный, она подпадает под влияние. Аудитора учат начинать с инвентаризации: что есть, в каком состоянии, кто отвечает. В моём случае инвентарь был простой: два родителя, один брат, один жених (не знает об этом пока), одна тётя Зина и один враг — директор базы, которого я видела только на стенде «Лучшие люди района». Против такого актива — сорок два года жизни в будущем. По-моему, активы перевешивали.

ГЛАВА 3. ОПИСЬ

Вечером я села за стол и завела общую тетрадь в клетку. На обложке написала: «УЧЁТ». Просто «УЧЁТ» — если кто заглянет, пусть думает про кроликов.

Тетрадь я купила у Нины Пахомовой — за три копейки и обещание «помочь с сочинением». Обычная, в клетку, двенадцать листов — как я тогда думала. Тетрадь оказалась безразмерной: она кончалась, я подшивала следующую — и так сорок семь лет. Сейчас в ней сорок одна тетрадь, и на корешке каждой — год. Первая — потёртая: «УЧЁТ» выведен моим девятнадцатилетним почерком с наклоном влево. Последние — ровные, спокойные: почерк, как известно, стареет вместе с рукой и мягчеет вместе с сердцем.

Что я знала о той осени — из обрывков взрослых разговоров, из маминой многолетней тишины, из того, что через годы рассказала соседка тётя Зина:

Первое. Отец в конце августа стал «ходить хмурый». Позже я поняла: он видел что-то на базе — не своё, чужое, страшное для его честной головы.

Второе. Третьего сентября за ним «прислали машину с базы» — он собрался за полчаса, сказал маме «на сутки, приеду — расскажу». Это «расскажу» мама потом, годы, повторяла как молитву.

Третье. Через месяц в реке нашли тело. Похороны — закрытый гроб. Директор базы Харитонов говорил речь — «скорбим, незаменимый работник», и мама потом не могла слышать его фамилию.

Четвёртое. Через пару лет после похорон дядя Стёпа, папин друг, выпив, сказал: «Витёк не сам туда полез, где глубоко. Его туда отправили. А он не умел молчать». Больше — ни слова за всю жизнь.

Пятое. Митьку после смерти отца отправили к бабушке в деревню «на год» — год растянулся на десять; брат вырос чужим. Мама сломалась тихо: сначала перестала играть — она музыкальный педагог, — потом перестала смеяться. Я не поступила в тот год — «не до того», потом — «уже поздно», потом — вся жизнь «по инерции».

В тетради я расписала по пунктам, что надо успеть до тре-

тьего сентября: узнать, что за схема на базе; собрать доказательства; найти человека, которому их отдать; и — главное — не пустить отца третьего сентября в ту машину.

Напротив первого пункта написала: «Начать с завскладом Гуляева — он по бумагам всё знает» — тётя Зина поминала его «проходимцем при добром лице».

ГЛАВА 4. БАЗАР И «ВОЛГА»

С базаром вышло так. Ехали на отцовском «велике» — я на раме, как в детстве; по дороге он рассказывал байку про токаря Малова и «микроскоп в вещи», и я смеялась — искренне, до слёз: сорок семь лет не слышала этих баек.

На базаре у пивного ларька стояла тёмно-вишнёвая «Волга» — служебная, с номерами района. Возле неё — мужчина в плаще не по погоде, а по должности. Я его узнала по описанию тёти Зины: «кадровик Гуляев, улыбка налеплена».

— Виктор Сергеич! — Гуляев помахал рукой, как старому другу. Отец поморщился — едва, уголком; я бы раньше не заметила, теперь — заметила.

— Познакомься, дочь? Хороша. Слушай, к третьему у нас там... — он понизил голос, — ...ревизия сверху. Харитонов просил тебя, как самого честного, подписать акты. День-два, с выездом. Подробности — на месте.

— На месте — так на месте, — сказал отец ровно. Но я видела: рука на руле велосипеда побелела.

— Вот и хорошо, вот и ладненько! — Гуляев улыбнулся налепленной улыбкой. — Не подведи, Витёк!

Мы отъехали. Отец долго молчал. Потом сказал — не мне, дороге:

— Тая. Есть на свете слово «непорядок». Я его, наверное, слишком люблю. Скоро проверим — за какие такие грехи.

А я записала в уме: «Гуляев. Машина — вишнёвая. „Ревизия“ — третьего. Слово — „акты“. Значит, бумага уже готова, и нужен подписант. Или — покойник».

ГЛАВА 5. МИТЬКА И РОГАТКА

Митька был — как я его помнила и как его забыла: вихрастый, коленки в зелёнке, глаза — отцовские, серые, в вечность. В прошлой жизни после того сентября мы с ним разговаривали в основном на юбилеях, по пять минут, про здоровье и погоду.

Рогатку я ему простила сразу и навсегда. Более того — вечером мы сидели на сарае (Митькина «опера-ложа») и он рассказал мне всё: про костёр за гаражами, про Санька, который «врёт как дышит», и про то, что «в сентябре в Новый кино повезут — мушкетёров — два раза сходим, Тай?»

— Два раза, — сказала я и сглотнула. — Хоть пять.

— Ты чё, плачешь?

— Компот. Вишнёвый. Кислющий.

Он засмеялся и обнял меня за шею — Митька не обнимался с четырнадцати... не будет обниматься с четырнадцати. Сейчас — было можно. Я сидела на сарае, обнимала брата и делала то, что не сделала ни разу в той, первой жизни: запоминала. Вес — двадцать восемь кило. Пахнет — ябло-

ками и порохом от «динамита». Смеётся — в кулак.

В тетрадь вечером записала: «Пункт ноль (главный): Митька — дома. Всегда — дома».

Спустились с сарая по обычной лестнице, как нормальные люди, — и я поняла, что весь мой взрослый багаж — аудиты, отчёты, сорок проверок — был вторичен. Главную проверку в жизни я провела в девятнадцать: инвентаризация одного двора, трёх гаражей и одного брата — сходится. Всё остальное — приложения к методичке.

ГЛАВА 6. РАЗГОВОР С ОТЦОМ

С отцом я говорила седьмого августа — вечером, в гараже, под шум заточки. Аудиторов учат: плохие новости сообщают на нейтральной территории, где руки заняты, а глаза — на дело.

— Пап. Если на базе воруют — а ты знаешь — что ты сделаешь?

Точило взвизгнуло и замерло.

— Кто тебе сказал?

— Никто. Ты сам — сказал: месяц назад — своим затылком. А ещё — Гуляев у ларька. И слово «акты», после которого люди у тебя на глазах неделю ночами не спят.

Отец долго молчал. Потом положил ногу точила на верстак — аккуратно, как кладут слова, которые давно весят.

— Мешки, Тай. Уходит товар мешками. Ведомости чистые, весы «сходятся», а принимаем мы в месяц на треть

меньше, чем при Савельеве, прежнем директоре. Я мастер смены: моя подпись — под приёмкой. Думал — недогляд. Теперь понял: недогляд на мне писан чужой рукой. Проверил ночниками два раза: машина ночью — без документов.

— И что будешь делать?

— То, что умею. Скажу Харитонову в глаза. Потом — выше. Я, Тайка, иначе не могу: у меня трое вас. Какой пример — если стерплю?

Вот оно. «Скажу в глаза» — то самое «не умел молчать». Я сидела на табуретке в гараже, и у меня внутри два голоса: девятнадцатилетний — «пап, ну нельзя же так просто...» — и тридцативосьмилетний — «нельзя — молчать, но можно — грамотно». Второй голос я и включила:

— Пап. Сказать в глаза — полдела. Надо — с бумагой. С той, которую нельзя потерять, сжечь и «переподписать». Давай так: я — считаю. Ты — носишь. Вместе — отдаём. Не эмоции — акты. Понимаешь?

Отец посмотрел на меня долгим взглядом, будто заново взвешивал. Потом сказал: — Тай. Ты — как бабушка. Та тоже говорила: «сперва опиши, потом воюй». Ладно. Считай. Только с умом: за бумагой и следят.

Мы ударили по рукам — по-отцовски, без рукопожатий: он продолжил точить нож, я — точить карандаш. Два человека в гараже делали одно и то же дело, каждый своим инструментом. Если бы кто сказал мне в прошлой жизни, что

самое тёплое воспоминание из неё будет — гараж, запах металла и два точила, — я бы не поверила. Верите? Вот и я — нет. А выходит — оно, самое тёплое.

ГЛАВА 7. КЕША

Кеша — Артём Ветров — жил в третьем подъезде, на два этажа выше. Девятнадцать лет, физтеховский второкурсник, руки — вечные в номерном знаке, глаза — как у спаниеля-отличника. В первой жизни он уехал в августе на целину «за романтикой и двадцатью рублями», вернулся в октябре — а я уже «не поступила и не до того». Дальше — «здравствуйте-до свидания» на тридцать лет, один его поздний звонок в девяносто восьмом («Тая, я — тут — всё — думаю...») и гудок.

Сейчас он стучал в нашу дверь первого августа — с пластинкой под мышкой: «Таисия, у меня „Машину времени“ купили — послушаете?» Я открыла. Он увидел моё лицо и пластинку — выронил.

Весь август мы слушали пластинки. То есть — он слушал, а я — смотрела, как он слушает: закатывает глаза на соло, дирижирует ладонью, рассказывает про «этот аккорд — двенадцать тактов — гениально». Я знала наизусть его будущие сорок лет — и не знала совсем. Это было — лучше любого «знания будущего».

— Кеш. Ты в сентябре — на целину не собирался?

— В сентябре? — удивился он. — На картошку? Нас —

в двадцатых числах. А что?

— Ничего, — сказала я. — Просто в двадцатых числах сентября у нас будет — очень важная неделя. Ты — нужен — здесь.

— Таисия, — он покраснел до ушей (уши — честные, я это запомнила на обе жизни), — я всегда нужен там, где вы.

Грамматика «вы» — при том, что мы с четырёх лет вместе лизали один ледышку — это было так по-кешински, что я засмеялась, а он — обиделся, а потом — рассмеялся тоже. Хорошо-то как. Господи, как — хорошо.

ГЛАВА 8. ДЯДЯ СТЁПА

Дядя Стёпа — Степан Ильич Груздев — был отецовым другом с армии: крановщик, гармонь, орден «Знак Почёта», хромая нога и безошибочный нюх на «непорядок». Жил на краю посёлка, держал козу Зорьку и правду.

К нему отец ходил «поговорить» — я напросилась «за компанию, у Стёпы — Зорька — молоко — маме». Пока отец со Стёпой сидели в саду, я «доила компанию»: Зорька, рассада, «слыхали — Харитонов — себе — „Волгу“ — личную — поменял?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.